

Что ж, по рукам, король! Но, право, верь,
Смех означает: человек не зверь.
Так человек природой награждён:
Когда смешно, смеяться может он!

*Из пролога кукольной комедии
«Гусь, гусь — приклеюсь, как возьмусь!»*

Лист первый

МАЛЬЧИК ИЗ ПЕРЕУЛКА

В больших городах с широкими улицами и теперь ещё встречаются переулки такие узкие, что можно, высунувшись из окошка, пожать руку соседу из окошка напротив. Иностранцы

туристы, которые путешествуют по свету с большим запасом денег и чувств, случайно очутившись в таком переулочке, всегда восклицают: «Как живописно!» А дамы вздыхают: «Какая идиллия! Какая романтика!» Но эти идиллия и романтика — одна видимость, потому что в таких переулках обычно живут люди, у которых совсем мало денег. А тот, у кого в большом богатом городе так мало денег, нередко становится угрюмым и завистливым. И дело тут не только в людях — тут дело в самих переулках.

Маленький Тим поселился в таком переулке, когда ему было три года. Его весёлая круглолицая мама тогда уже умерла, а отцу пришлось наняться подсобным рабочим на стройку, потому что в те времена не так-то легко было найти хоть какую-нибудь работу. И вот отец с сыном переехали из светлой комнаты с окнами на городской сад в узкий переулок, вымощенный булыжником, где всегда пахло перцем, тмином и анисом: в переулке этом стояла единственная во всём городе мельница, на которой мололи пряности. Вскоре у Тима появилась худощавая мачеха, похожая на мышь, да ещё сводный брат, наглый, избалованный и такой бледный, словно лицо ему вымазали мелом.

Хотя Тиму только исполнилось три года, он был крепким и вполне самостоятельным пареньком, мог без всякой посторонней помощи управлять океанским пароходом из табуреток и автомашиной из диванных подушек и на редкость заразительно смеялся. Когда его мама была ещё жива, она хохотала до слёз, слушая, как Тим, пустившись в далёкое путешествие по воде и по суше на своих подушках и табуретках,

весело выкрикивает: «Ту-ту-ту! Стоп! Аме-е-ерика!» А от ма- чехи он за то же самое получал шлепки и колотушки. И по- нять этого Тим не мог.

Да и сводного брата Эрвина он понимал с трудом. Свою братскую любовь тот проявлял весьма странным способом: то кидался щепками для растопки, то мазал Тима сажей, чер- нилами или сливовым джемом. И уж совсем непонятно было, почему доставалось за это не Эрвину, а Тиму. Из-за всех этих непонятных вещей, приключившихся с ним на новой кварти- ре в переулке, Тим почти совсем разучился смеяться. Только когда отец бывал дома, звучал ещё иногда его тоненький, за- ливистый, захлёбывающийся смех.

Но чаще всего отца Тима не было дома. Стройка, на кото- рую он нанялся, находилась на другом конце города, и почти всё свободное время уходило у него на дорогу. Он и женился-то во второй раз главным образом для того, чтобы Тим не сидел целый день дома один. Только по воскресеньям ему удава- лось теперь побывать вдвоём со своим сыном. В этот день он брал Тима за руку и говорил жене:

— Мы пошли гулять.

Но на самом деле он шёл вместе с Тимом на ипподром и ставил на какую-нибудь лошадь, совсем немного, мелочиш- ку, то, что удалось скопить за неделю потихоньку от жены. Он мечтал, что в один прекрасный день выиграет целую кучу де- нег и опять переберётся с семьёй из узкого переуллка в свет- лую квартиру. Но, как и многие другие, он напрасно надеял- ся на выигрыш. Почти всякий раз он проигрывал, а если и вы- игрывал, то денег едва хватало на кружку пива, на трамвай да на кулёк леденцов для Тима.

Тиму скачки не доставляли особого удовольствия. Лошади и наездники мелькали так далеко и так быстро проносились мимо, а впереди всегда стояло так много людей, что, даже сидя на плечах у отца, он почти ничего не успевал разглядеть.

Но хотя Тиму было мало дела и до лошадей, и до наездников, он очень скоро разобрался в том, что такое скачки. Когда он ехал с отцом домой на трамвае, держа в руках кулёк с разноцветными леденцами, это значило, что они выиграла. Когда же отец сажал его на плечи и они отправлялись домой пешком, это значило, что они проиграли.

Тиму было всё равно, выиграли они или проиграли. Ему так же весело было сидеть на плечах у отца, как и ехать в трамвае — даже, по правде сказать, ещё веселее.

А самое весёлое было то, что сегодня воскресенье и они вдвоём, а Эрвин с мачехой далеко-далеко, так далеко, словно их и вовсе нет на свете.

Но, к сожалению, кроме воскресенья, в неделе ещё целых шесть дней. И все эти дни Тиму жилось так, как тем детям в сказках, у которых злая мачеха. Только немного похуже, потому что сказка — это сказка: начинается она на первой странице и кончается, ну, скажем, на двенадцатой. А такое вот мучение изо дня в день целый год, да ещё не один год, а много лет подряд, — попробуй-ка его вытерпи! Тим так привык упорствовать, дерзить, стоять на своём, что, не будь на свете воскресений, он наверняка — просто из одного упрямства — превратился бы в отпетого сорванца и грубияна. Но так как, к счастью, воскресенья всё-таки есть на свете, он остался обыкновенным мальчиком. Даже смех его звучал по-прежнему: он

словно подымался откуда-то из глубины и заканчивался счастливым, захлёбывающимся смешком.

Правда, его смех раздавался теперь всё реже и реже. Тим стал замкнутым и гордым, невероятно гордым. Только так он и мог защищаться от нападок мачехи, пилившей его весь день без передышки, хотя иной раз и без всякого злого умысла.

Тим очень радовался, когда пошёл в школу. Теперь он с раннего утра до самого обеда был вдали от своего переулочка — не за полкилометра, а за тридевять земель. Здесь в свой первый учебный год он стал снова часто смеяться, и, случалось, учитель, взглянув на него, забывал, за что собирался сделать ему замечание. Теперь Тим и сам старался помириться с мачехой. Стоило ей разок похвалить его за то, что он притащил один тяжёлую сумку картошки, и он чувствовал себя совершенно счастливым, становился покладистым и сговорчивым и готов был помогать ей с утра до вечера. Но, снова получив нагоняй, он опять замыкался, мрачнел и надевал маску гордеца. Тогда к нему было не подступиться.

Ссоры с мачехой сказывались на его школьных занятиях. Тим, хоть и был куда сметливее многих в классе, часто получал отметки хуже других ребят, потому что невнимательно слушал, когда учитель объяснял урок. И ещё из-за домашних заданий.

Делать дома уроки ему было очень трудно. Только он сидел со своей грифельной доской за кухонный стол, как появлялась мачеха и прогоняла его в детскую — комнату, где он спал вместе с Эрвином. Но детская была царством его сводного брата, а тот ни на секунду не оставлял Тима в покое: то требовал, чтобы Тим с ним играл, и злился, когда тот отказывался;

то расставлял на столе свой конструктор, и Тиму даже некуда было положить тетрадку. Как-то раз Тим, окончательно выведенный из терпения, укусил Эрвина за руку. Это не прошло ему даром. Увидев кровь на руке своего любимца, мачеха принялась вопить, что Тим — преступник, коварный злодей, разбойник с большой дороги. Отец не проронил за ужином ни единого слова. С этого дня Тим перестал бороться со сводным братом и готовил уроки, пробравшись тайком в спальню родителей. Но Эрвин выследил его и донёс, а одна из заповедей мачехи гласила: «В спальне родителей детям делать нечего!»

Теперь Тиму ничего не оставалось, как готовить уроки в обществе Эрвина. Если тот занимал единственный столик, стоявший в комнате, Тим садился на кровать и писал, положив тетрадку на тумбочку. Но сидел ли он за столом или примостившись у тумбочки, он всё равно, как ни старался, не мог сосредоточиться на задаче. Только по средам, когда Эрвин ходил в школу во вторую смену, Тиму удавалось сделать уроки так, как ему хотелось. А ему хотелось, чтобы учитель остался им доволен. Да и вообще ему хотелось жить в дружбе и добром согласии со всем миром.

Но, как это ни печально, его домашние работы с каждым годом нравились учителю всё меньше и меньше. «Светлая голова, — говорил учитель, — но лентяй и совершенно не собран». Как он мог догадаться, что Тиму приходится каждый день заново отвоёвывать себе место для приготовления уроков? Тим не рассказывал ему об этом: он был уверен, что учитель и сам всё знает. Так случилось, что и школа подсказала Тиму всё тот же грустный вывод: жизнь непонятна, а все взрослые — конечно, за исключением его отца — несправедливы.

Но и этот единственный справедливый человек его покинул. Через четыре года после того, как Тим в первый раз пошёл в школу — все эти годы он с трудом перебирался из класса в класс, — отец погиб на стройке: на него свалилась доска, упавшая с огромной высоты.

Это было самое непостижимое из всего, что случилось до сих пор в жизни Тима.

Сначала он просто не хотел этому верить. Только в день похорон, когда красная, зарёванная мачеха дала ему пощёчину за то, что он забыл почистить её туфли, он вдруг ясно понял, как он теперь одинок.

Ведь сегодня было воскресенье.

В этот день Тим впервые заплакал. Он плакал об отце, и о себе, и о том, как плохо устроен мир, и сквозь плач он услышал, как мачеха в первый раз сказала: «Прости меня, Тим».

Час, проведённый на кладбище, был словно дурной сон, который хочешь поскорее забыть и от которого остаётся лишь смутное, щемящее чувство. Тим ненавидел всех этих людей, стоявших вокруг него, и говоривших что-то, и певших, и читавших молитвы. Его раздражала плаксивая болтовня мачехи, тут же переходившая в причитания, если кто-нибудь приближался к ней, чтобы выразить «глубочайшее соболезнование». Он был один со своим горем и не хотел делить его ни с кем. И как только толпа начала расходиться, он тут же убежал.

Без всякой цели бродил Тим по улицам, и, когда он очутился возле городского сада и прошёл мимо окон той квартиры, где совсем ещё маленьким смеялся и кричал: «Ту-ту-ту!», его охватило такое отчаяние, что ему чуть не стало дурно.

Из окна его прежней комнаты выглянула чужая девочка с нарядной куклой на руках и, заметив, что Тим смотрит в её сторону, показала ему язык. Тим быстро пошёл дальше.

«Если бы у меня было очень много денег, — думал он, бродя по улицам, — я снял бы большую квартиру, у меня была бы там отдельная комната и каждый день я давал бы Эрвину на карманные расходы, сколько он ни попросит. А мать могла бы покупать себе всё что захочет».

Но это были только мечты, и Тим это знал.

Сам того не замечая, он шагал теперь в сторону ипподрома, туда, где проводил раньше с отцом счастливые воскресенья. Когда отец был ещё жив.

Лист второй

ГОСПОДИН В КЛЕТЧАТОМ

Тим добрался до ипподрома, когда первый заезд уже близился к концу. Зрители кричали и свистели, выкликая всё громче, всё чаще одно только имя — Ветер.

Тим стоял, с трудом переводя дыхание: во-первых, он только что бежал, а во-вторых, ему вдруг показалось, что где-то тут, среди этих кричащих и аплодирующих людей, стоит и его отец. У него неожиданно возникло чувство, что здесь он у себя дома. Это было то место, где он всегда оставался наедине с отцом. Без мачехи и без Эрвина. Все воскресенья, проведённые с отцом, стоял он в этой толпе, среди шума и выкриков. На душе у Тима стало вдруг удивительно спокойно, почти весело. И когда ликующая толпа внезапно выкрикнула